Т-р миниатюр
п/р А. Райкина

Гастроли
по
стране

НРАВСТВЕННОСТЬ ЭСТРАДЫ

Помпер, «Правда», 1983, 10 февр.

У нас на гастролях — Театр миниатюр под руководством А. И. Райкина

В СПЕКТАКЛЕ «Мир — тому твоему» Аркадий Райкин, как всегда, узнаваем и, как всегда, неожидан.

Он общается с партнером по просцениуму, а в то же время — беседует с залом, то есть зрителем и со мной. Зал для Райкина — партнер наравне. Иногда он прямо обращается к залу пятерыми. Игровые диалоги с персонажами сменяются, неподвижен актер обращается к ним доверительно, с гримасой на лице.

Свою виртуозную маску Райкин надевает, подчиняя Масок он себе, подчиняя их страсть, трансформируя не стать менее острой от того, что актер отходит к внутреннему перевоплощению.

Облики уживаются в их многообразии. Дуплянкину сейчас [illegible] скрывается и потаенного, скрутывает, второй Маск, более глубокий и общий. Одно повлекает другой.

Уже движение спектакля «Мир тому твоему» многомерно, метафорично.

Райкин говорит со зрительным монологом, дополняемым самим качеством и основным автором спектакля С. Альтовым «Дом — это не только крыша над головой. Это место, куда возвращаешь. Лишком рано на меня. Он шитой жизнь на шитье. Страна — наша — дом. И Сталин — тоже...»

Если это и гротеск, то выстраданный. Сатирические решения несут какое-то умиротворяющего значения. Таков добрый искусство Райкина.

В сцене «Тесты», напоминающей лучшие удачи прежних лет, помощи уклончивый человек. Он не может прямо ответить на простейший вопрос. Способный актер В. Шимаровский в роли самоуверенного психолога, собеседует райкинского «шестерня», хлопает у того настроение. Страшный приговор и с надежной гладит в глаза собеседника, не нарушено уходит от какой бы то ни было определенности. «Лично у меня, как и у всех моих товарищей, давно такого настроения не было».

Нормальный, как должный. И так — по всем другим вопросам. То ли он что-то боится, то ли лишает такую «мину». Решение уклончивости достигают одна за другой, «без мы товарищи», прославляются в сентенции до того нелепости, что хохот в зале стоит оглушительный.

Человек будто и не хочет быть личностью, не печется о собственном достоинстве — вот одна из тревожных тем веселого театра.

Но достоинство можно потерять и в счете противоположного свойства — например, в мнимой деятельности, сводящейся к властной болтовне о несуществующих условиях.

Персонаж иронической сценки «Страдивариус» — некий изготовитель скрипичных смычков — взял обязательство выдавать за смену 27,7 смычка — на тысячу сто процентов больше, чем в прошлом году. Знакомая абсурдная ситуация: кому нужны смычки без скрипок, да еще в таком безрассудном избытке? Райкин и его партнеры извлекают из ситуации ее смешные и горькие сатирические ресурсы. Театр здесь по-хорошему злободневен.

Долго стоит — в смысле художественном — райкинский высокопоставленный вырожденец, ведущий обработку среди академиков. «Товарищи академики, академики, мы и короли!» — вещает он. Добродушно и чуть снисходительно, сзывая всех на симпозиум. — Вы не поймите меня правильно — говорит он не совсем понятную мне ораторскую фигуру.

Мягкий, чуть конфузливый взгляд актера позволяет наглядно увидеть картину в целом. Никто не умеет так, с виду совсем безобидными штрихами, идти к многозначимости сатирического результата.

Подобных находок у Райкина много, и никогда не было в них нехватки. Все они вписываются в будто бы человеческий контур, обозначенный мелом на асфальте: «Ручки, ножки, огуречик — вот и вышел человечек». Детская присказка-считалка обыграна в монологе, где с надеждой и болью автор говорит о таких вот нарисованных огуречиках: все у них вроде бы человеческое, кроме сердца, совести, чести.

ЛУЧШИЕ вещицы спектакля — это вариации все на ту же гражданственную, нравственную тему художника.

Правда, иногда сцены актера тратятся расточительно. Достаточно длинная сценка идет своим чередом, а Райкин молча сидит в полутьме слева. И только в самом конце произносит тоном резонера некое наставление. За эту фразу Райкину, как было сказано, можно подумать, что хватают и такие, хотя разгадка оно весьма средне, и «шефы» приходится вторгнуться выручать своих коллег.

Но это особый случай, вызывающий на тональности спектакля. Зал благодарен, актеру. Он аплодирует Райкину стоя.

И остальных программа своего театра Аркадий Райкин как актер не участвует. Так солирует Константин Райкин.

В одной из них солирует исполнительно и буквально. Спектакль «Девей, артист!» — это сплошной его монолог. Райкин-младший держит дистанцию в одиночестве весь вечер.

Чтобы так владеть вниманием большого театрального зала, нужны актерская отвага и занимательность подачи. К. Райкин такие данные проявляет.

Можно спорить, одинакого ли уместны разные составные части этого безраздельного монолога, все его спасительные «поплавки», чтобы не утонуть. Всякие там закономерности: шипение наливаемой газированной воды; вопль одесской мамы на пляже; имитация речи мелитепольского приглашения и заходящейся на высокой ноте украинской молодки. Это — скорее отдельные этюды из школы актерского мастерства, не имеющие к спектаклю непосредственного отношения. Или — стихи славных поэтов, прочитанные не первоклассно, да и вошедшие в контекст лишь потому, что их недавно читал этого поэта кто-то из [illegible] — зыбкость его содержания и [illegible] неотмотивированность составных. «Веселое слово «монтаж», обозначающее сборщик», — считал Кировский-сер Сергей Эйзенштейн. Но сборщик-то может не с миру, по нитке. Непритязательные шутки стойчивого застолья, вынесенные на всеобщую потеху, часто-того не стоят.

Нельзя, впрочем, отрицать — монолог К. Райкина абсолютно остроумен. В наш век, когда понятие об эстраде явилось только и почитают о музыкальной эстраде, приятно вспомнить времена, когда эстрада без разговорника жить не могла. Тут надо отдать должное актеру — он выступает в лучших традициях своего жанра.

Он научился понять мысли ненавязчивого партнера сидящим в зале, умеет разнообразить эту мысль, веселую и достаточно скромную, способен сочетать движение и слово. Его юмор пластичен, у него живые глаза. И когда, прошаясь под музыку чаплинских куплетов, К. Райкин в полутанцовке исчезает за кулисы, приходит на память другой, довоенный вечер. Начинающий конферансье Аркадий Райкин в черном пиджаке, в твердом чаплинском котелке и с тросточкой под мышкой, продемонстрировал тот же независимый ход назад в весело танцуемых куплетах, где имя актера бесхитростно спрыгивало с именем его города.

Кое-что из наследства, выходит, все-таки передается...

НО ЕСТЬ и еще один Константин Райкин. Он мало похож на того, который начинал запросто беседовать с залом как его доверенное лицо. Есть еще правитель секты тапсуков из ревущего стана дисхотеки, с неуклюжими и сокрушительными выкрикиваниями. В спектакле с вопросительным названием «Что наша жизнь?» драматург А. Аксенов ответ задал самим условием шизофрения, жизнь, дом, семья — «игра», понятно не простая, а как подсказывает за нас «Игра». — «игра, воображение». Зарядка беспрекословно крутится и появляется весь зверинец, постепенно учит опрометью разнообразные лампочки, под конвульсивную рокировку бесчисленных пощечин и плащчиков-медалистов. Словом, все, как на лучших домах, где эстрада — лишь начало микроформы первого с бенефисным голосом, агрессия электропитания, бесчисленных в потоке добровольцев.

Потоком, обаянием актера К. Райкина удаются приемы, по поводу которых [illegible] Но как уживаются столь противоречивые вопросы успеха под одной крышей?

Оно, может, и не так уж плохо, что один К. Райкин вместе бывает не похож на другого К. Райкина. Так сказать, Райкин-третий возникает неожиданным порядком. И, отличаясь всегда найдется. Он — замечательный. Это их неотъемлемое право.

Только где уж там — в доме своем? — а прямо, понятно, смысла.

...Как хорошо, как согласно беседуют за чашкой чая в спектакле «Мир тому твоему» два актера — отец и сын Райкины. Воскресает атмосфера доброго, давнего спектакля, который так полно и называется: «За чашкой чая». Этим спектаклем Театр миниатюр отметил некогда свое пятидесятилетие.

Так, может быть, тот, третий, — попросту лишний?

Д. ЗОЛОТНИЦКИЙ.

Фото Н. Потемкина